

КОРРУПЦИЯ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

*В.Г. КЛЕЙНЕР***Кризис и коррупция:
взаимосвязь и перспективы**

В статье автор анализирует состояние коррупции в России, которое существенно ухудшилось на рубеже 2003–2005 гг. и находится на крайне высоком уровне уже 10 лет. В результате коррупция пронизывает принятие решений в большинстве сфер жизни общества: в государственных организациях и корпорациях, бизнесе и в быту. Автор объясняет отсутствие диверсификации экономики тем, что большинство отраслей проигрывают конкуренцию в борьбе с нефтегазовым сектором, генерирующим высокую коррупционную ренту. Он объясняет такое распространение коррупции отсутствием разделения властей, которые призваны поддерживать систему сдержек и противовесов, тем, что исполнительная власть подмяла под себя законодательную и судебную власть, значимую часть прессы (четвертая власть), покупая лояльность определенных слоев общества (увеличивая социальные выплаты, компенсации и зарплату бюрократии), что и привело к всепоглощающей коррупции. Предсказывается, что коррупция будет акселератором кризиса и усугубит его последствия. В свою очередь, кризис только усилит коррупционные явления.

Ключевые слова: коррупция, российская экономика, разделение властей, кризис экономики, коррупция во время кризиса, государственная коррупция, корпоративная коррупция, бытовая коррупция.

В статье на тему коррупции: “Коррупция в России. Россия в коррупции. Есть ли выход?” [Клейнер 2014] я предложил системный подход к анализу современной российской коррупции и проанализировал ее истоки и составляющие. Примеры успешной борьбы с коррупцией в других странах (Сингапур, Китай, Гонконг и Грузия) были призваны дать механизмы и решения, способствующие снижению уровня коррупции в России. Между тем одним из основных выводов стал тезис о том, что коррупция в условиях современной России – не просто аномалия или явление, с которым борется общество, а скорее, наоборот, один из наиболее важных и широко используемых механизмов государственного управления и регулирования экономики, управления бизнесом. Толерантность общества к коррупции приняла поистине небывалые масштабы. Мною было предложено следующее определение коррупции. Коррупция – это сознательная и добровольная кооперация должности организации (в государственном или частном секторе) с третьими лицами для получения данным лицом или зависимыми от него лицами дополнительных благ путем принятия указанным должностным лицом организации в рамках своей компетенции заведомо неоптимальных для нее (организации) решений, приводящих к получению данным лицом или зависимыми от него лицами дополнительных благ.

Клейнер Вадим Георгиевич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН. Адрес: 117418, Москва, Нахимовский просп., д. 47. E-mail: vadim.kleiner@gmail.com.

2014 г. внес существенные коррективы и поставил страну на порог тяжелого экономического кризиса, который может иметь непредвиденные макроэкономические последствия. Он приведет к серьезным социальным проблемам и, возможно, что самое главное, поставит под угрозу принципы функционирования и управления российским государством, а как следствие – жизнедеятельность основных экономических субъектов. В этой связи возникла новая задача: анализ того, каково будет влияние кризиса на современную высокор腐пированную экономику и к каким последствиям это может привести.

Коррупция в современной России

Коррупция – одна из составляющих жизни российского общества. Тем не менее я хотел бы полностью отвергнуть тезис, что коррупция в России рассматривается как постоянное явление, которое неизменно присутствует в обществе приблизительно в одном и том же качестве и одинаковом объеме. Взгляд на период с 1998 по 2014 гг. позволяет выделить три периода с весьма различными уровнем, характером и, главное, динамикой коррупции, притом что методика расчета индекса Трансперенси интернешнл не претерпела существенных изменений [Corruption... 2014].

На рисунке 1 хорошо видно, что в период с 1998 по 2004 г. место России в мире по уровню коррупции колебалось вокруг 81-го. В период с 2005 по 2014 г. Россия занимает уже место в районе 137, то есть динамика не только очевидна, но и весьма впечатляюща. За последние 10 лет наша страна стабильно удерживается на 56 (!) мест ниже, чем в период 1998–2003 гг. Причем на 2003–2005 гг. приходится переходный период, когда произошел “нырок” и мы спустились к 15-му десятку стран на шкале оценки коррупции.

Интересным и, на мой взгляд, не случайным также выглядит сопоставление динамики уровня коррупции в России и валового национального внутреннего продукта (ВВП). Здесь мы наблюдаем довольно устойчивую обратную корреляцию роста ВВП и падения места России в мировом индексе восприятия коррупции (см. рис. 2) Каче-

Рис. 1. Место России в индексе восприятия коррупции Трансперенси интернешнл.

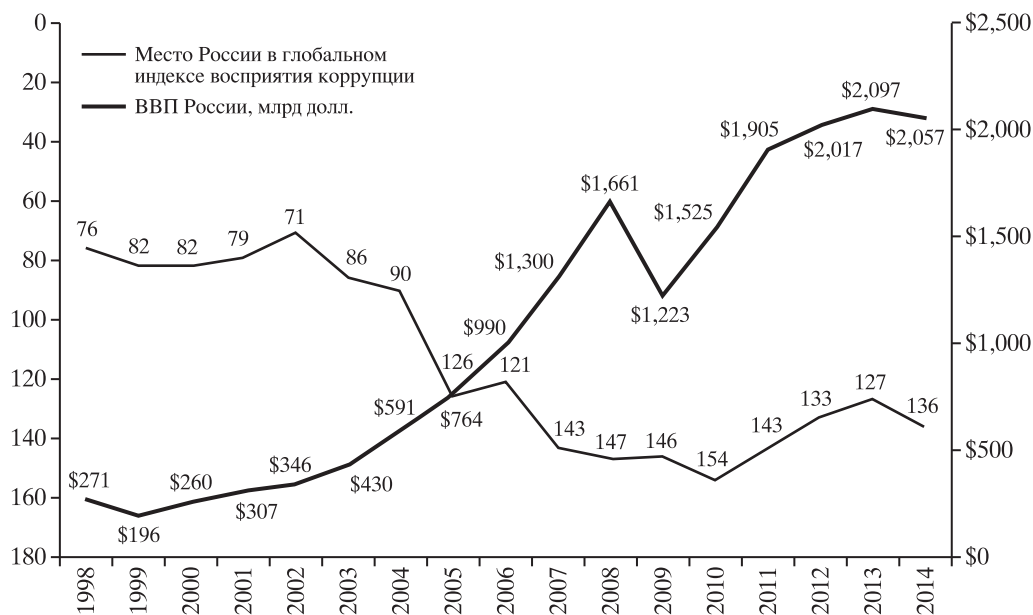

Рис. 2. Динамика изменения места России в индексе восприятия коррупции Трансперенси интернешнл и (ВВП) (<http://www.statista.com/statistics/263772/gross-domestic-product-gdp-in-russia/>).

ственное объяснение этого будет предложено в следующем разделе. Тут же хотелось бы подытожить, что, несмотря на бурный экономический рост 2000-х гг., Россия опустилась на самые задворки индекса восприятия коррупции. Более того, если рассматривать композицию качественных оценок (уровень коррупции) и количественного роста ВВП, то окажется, что абсолютный уровень коррупции (так сказать, виртуальное произведение уровня коррупции на размер, который можно коррумпировать) поставил Россию далеко впереди как отдельных стран, занимающих место, сравнимое или ниже в индексе восприятия коррупции, так и по сравнению с самой Россией всего несколькими годами ранее. Попробуем разобраться, какие структурные изменения произошли с российской экономикой и обществом в последние 10 лет, что привело к столь беспрецедентному уровню коррупции.

Состояние коррупции в России – итоги десятилетия 2005–2014 гг.

Динамика коррупции. Прежде всего хотелось бы остановиться на макроэкономической картине. Как было видно из рисунка 3, Россия пережила небывалый экономический подъем, который привел как к росту ВВП в абсолютном выражении, так и к относительному росту располагаемых доходов граждан. Основой этого роста стал в значительной степени единственный фактор – цена барреля нефти.

Не вдаваясь подробно в дискуссию о взаимосвязи роста российской экономики и цены на нефть, хотелось бы подчеркнуть: а) прямую их взаимосвязь; б) рост зависимости российской экономики от нефтегазовых доходов. То есть десятилетие непрерывного роста российской экономики в связи с крайне благоприятной конъюнктурой цен на нефть не привели к диверсификации экономики и росту прочих отраслей, а наоборот, к еще большей зависимости экономики в целом от цены на энергоносители. Это, в частности, показывает и разворачивающийся ныне в России экономический кризис.

Причина такого однобокого развития экономики, по-моему, также кроется в высоком уровне коррупции. Как я указывал в предыдущей работе [Клейнер 2014], основным

Рис. 3. Динамика роста ВВП России в сравнении с ценой на нефть.

последствием коррупции стало отмирание конкурентности в экономике. В ситуации, когда прямая взятка или взятка, конвертированная в административный ресурс, решает проблему, трудно добиться экономической конкуренции (за исключением конкуренции взяток). То есть те отрасли, которые развиваются в условиях конкуренции, заведомо проигрывают простому бизнесу по добыче нефти и газа и распределению полученных благ за счет коррупции и административного ресурса. Между тем основной моделью экономики стало формирование экономического столба вокруг нефтегазовой экономики. Значительная часть нефтегазового сектора оказалась под прямым контролем государства: Газпром, Роснефть (включая ранее существовавшие Роснефть, ЮКОС и ТНК), Башнефть и Татнефть, которые функционируют по принципу “кормления” людьми, лояльными руководству страны. Ряд частных компаний (НОВАТЭК, ЛУКОЙЛ, Сургутнефтегаз), оставаясь формально независимыми, в реальности также входят в сферу контроля ограниченного круга лица, близкого к руководству России. В силу того, что “кормление” считается нормальным явлением, не вызывающим идиосинкразии ни у руководства страны, ни у общественности, нефтегазовый столб обрастает огромным количеством посредников, поставщиков, обслуживающих и поддерживающих бизнесов, которые, с одной стороны, помогают “собирать” коррупционную ренту с указанных компаний, с другой – не забывают о своем собственном коррупционном кормлении за счет тех же коррупционных потоков.

В результате этих, назовем их нерыночными, принципов любые бизнесальтернативы оказываются заведомо невыгодны, поскольку не могут обеспечить ту доходность для менеджеров компаний, принадлежащих государству или их окружению в альтернативных секторах, которую им дают коррупционные потоки вокруг нефтегазовой отрасли. Кроме того, развитие альтернативных отраслей экономики предполагает принятие заведомо рискованных решений об инвестициях, которые могут быть сделаны в ситуации, когда есть перспективы защиты права собственности на создаваемый бизнес, права на интеллектуальную собственность, есть возможность сформироваться рынку новых товаров или услуг, не связанных напрямую с коррупцией.

По моему мнению, в современных российских условиях мы наблюдаем практически полное отсутствие какой-либо независимости трех ветвей власти (исполнительной,

законодательной и судебной), призванных создавать систему сдержек и противовесов и помогать охранять указанные права собственности. В результате коррупция одной ветви власти легко и непринужденно без каких-либо значимых барьеров перетекает/отражается в коррупцию другой ветви власти. Более того, четвертая власть (СМИ или общество в целом) также практически полностью лишена своей независимости. Независимые СМИ либо поглощены государством (другой ветвью власти), либо разрушены, либо коррумпированы и также поставлены на службу коррупции. Наконец, общество в целом утратило возможность и желание оказывать влияние на три ветви власти по причине: а) страха; б) разрушения институтов народного волеизъявления (исчезновение независимых выборов, затруднение проведения митингов и демонстраций); в) развращения, когда общество, по сути, выбрало путь отказа от моральных принципов в пользу принципов материальных, возможности встроиться в систему распределения коррупционных потоков.

Однако в силу законов газообразного состояния бюрократии, которая заполняет собой всё возможное пространство, при отсутствии ограничений и общественного контроля на уровне распределения полученных государством ресурсов выстраивается своя коррупционная система взаимоотношений, превращающая все значимые государственные долгосрочные (инвестиционные) и краткосрочные (тактические) затраты в источник личного обогащения: будь то строительство магистральных дорог, реализации национально значимых проектов (скажем, закупки медоборудования) или проектов государственного значения – строительство и проведение олимпийских игр, универсиады, саммита, АЭС и т.д. Естественно, это приводит к формированию обширной бюрократической прослойки, которая, оправдывая на словах свой безудержный рост целями решения государственных задач, на самом деле решает вполне частные задачи по формированию коррупционной ренты, используя, по сути, для коррупционного шантажа или вымогательства те функции, которые представляются ей законом. Под ударом таких коррупционных институтов оказываются прежде всего бизнесы, не вовлеченные в распределение коррупционной ренты. Это давление оказывается непосильным как с финансовой (коррупционная рента), так и с человеческой точки зрения. Недаром число бизнесменов, оказавшихся за решеткой по экономическим преступлениям (а по сути, как указывают эксперты, в силу коррупционных атак бюрократического аппарата с целью переключения денежных потоков и криминального перераспределения активов), исчисляется сотнями тысяч (см.: <http://www.statista.com/statistics/263772/gross-domestic-product-gdp-in-russia/>). В такой ситуации развитие новых отраслей, не связанных напрямую с коррупционным переделом нефтегазовой ренты, оказывается невыгодным, что и подтверждается высокой концентрацией экономики и вокруг нефтегазового сектора. Такая ситуация обидна вдвойне, ибо россиянам в силу национального характера, склонности к неожиданным решениям, авантюристике и любви к риску, как я полагаю, присущ предпринимательский талант, что не раз находило свое подтверждение на разных этапах российской истории.

Коррупция в бизнесе. В бизнесе, связанном с государством (государственными компаниями), она, как было отмечено, оказывается крайне высокой. Однако и тот бизнес, который не контролируется напрямую государством, подвержен крайне высокому уровню коррупции. Объясняется это несколькими причинами. Во-первых, многие негосударственные компании сталкиваются с государственными в своих бизнес отношениях и у них нет другого выбора, как принять те правила игры, которые диктуются компаниями, контролируемые государством. Во-вторых, частные компании конкурируют с компаниями, контролируемые государством на рынке труда, – как рабочего персонала, так и специалистов и менеджеров. В результате происходит перетекание из одного сектора в другой представителей разных специальностей. Переходя с одного места на другое, они зачастую “приносят” с собой те коррупционные практики, к которым привыкли. В-третьих, как уже было сказано выше, отсутствие независимости трех основных ветвей власти приводит к реальному отсутствию наказания за коррупционные практики или точнее, просто к разрешению конфликтных ситуаций с органи-

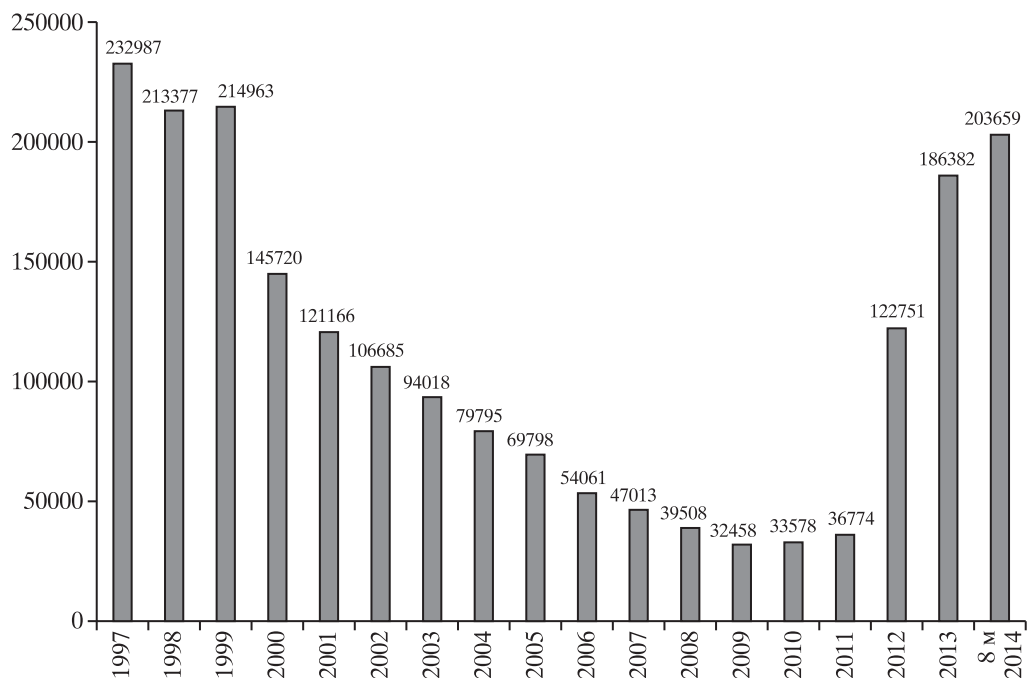

Рис. 4. Количество россиян, покинувших страну в 1997–2014 гг. [Демография... 2014].

ми власти за счет коррупции. Наконец, отсутствие значимой четвертой силы – независимой прессы и толерантности общества к коррупции в целом – также способствует распространению коррупции в бизнесе. Примеры коррупционного поведения западных компаний на российском рынке (Симменс – Германия; Даймлер Бенц – Германия–США; Хьюлетт Паккард – США), ставшие известными общественности благодаря американскому Акту борьбы с коррупцией за рубежом, показывают ряд механизмов устройства коррупционных практик в России.

Бытовая коррупция, с которой сталкиваются рядовые россияне при общении, например, с медицинскими учреждениями, учебными заведениями (школами, детсадами и вузами), органами жилищно-коммунального хозяйства и контроля (санэпидемстанции, ГИБДД и т.д.), приводит к тому, что во всех этих сферах зачастую происходит вытеснение способных молодых людей, специалистов, профессионалов и управленцев. Их высокие качества “уступают” конкуренцию коррупции. В результате способные ученики не попадают в хорошие школы, одаренные студенты – в высокотируемые вузы, специалисты и менеджеры не занимают те позиции, которые должны были бы занять в силу своих способностей и профессиональных качеств. Многие талантливые люди в искусстве и науке проигрывают конкуренцию по причине коррупции и вынуждены либо отказываться от профессии, либо уезжать из России, чтобы найти применение своим умениям там, где не столь высок гнет коррупции. Именно этим, полагаю, во многом объясняются значительные цифры отъезда российских специалистов из России в последнее десятилетие (см. рис. 4).

Потеря специалистов в связи с их эмиграцией за рубеж. Думаю, именно коррупция стала одной из причин отъезда наших соотечественников, причем, как правило, обладающих высокой квалификацией, за рубеж. Это конечно не единственная причина, однако многие тысячи высокообразованных россиян, не пожелавших встраиваться в коррупционную вертикаль или уступивших соревнование в коррупционных практиках, покинули Россию и ныне работают на благо других стран. Из статистики Роскомстата видно, что, как минимум, два миллиона россиян покину-

ли родину в 1997–2014 гг. При этом официальная статистика не отражает реального положения вещей, поскольку многие выезжающие нигде и никак не регистрировали свой выезд.

Между тем отъезд этих людей оказывает существенное влияние на оставшихся, поскольку снижение концентрации талантливых людей в общей массе трудовых уменьшает общую способность к инновациям, возможности накапливать и передавать знания, гибкость для приобретения новых знаний и перестройки в условиях быстро изменяющегося глобального мира. Результатом становятся деградация науки, образования и медицины, их дальнейшее отставание от ведущих мировых образцов.

Система государственного управления. Как уже было сказано выше, отсутствие независимости трех государственных ветвей власти (исполнительной, законодательной и судебной), разрушение четвертой власти – независимой прессы и общественного мнения (подкупленного коррупцией) привели к печальным результатам в отношении системы государственного управления в России. Во-первых, одна ветвь власти – исполнительная – получила непропорционально большие, практически неограниченные полномочия. Законодательная власть, оказавшись в полном подчинении у исполнительной власти, не только полностью утратила свою самостоятельность, но и деградировала, лишившись тех функций, которые ждет от нее общество, а именно – профессиональной разработки, тщательного анализа, подготовки и обсуждения законов, которые должны приниматься в интересах наиболее широких слоев общества, контроля за реализацией законов и проведения парламентских расследований. Подтверждением этого стало принятие десятков и сотен новых законов, обсуждение которых ограничивалось несколькими минутами. Причем значимая их часть не имеет общественной полезности, а направлена на усиление полномочий бюрократического аппарата (исполнительной власти) с целью увеличения коррупционной ренты. Парламентские расследования, сегодня вышедшие из употребления, последний раз упоминались в связи с отсутствием необходимости в проведении парламентского расследования деятельности бывшего министра обороны А. Сердюкова. Уже один этот факт свидетельствует о том, как именно законодательная власть востроилась в современные коррупционные практики. В результате законодательная власть превратилась в своего рода ширму для исполнительной, когда единственной ее функцией стало создание видимости наличия альтернативной ветви власти. Не случайно, что все больше законодателей формируются из бывших спортсменов, людей, зачастую не обладающих профессиональными знаниями, необходимыми для законотворчества, зато привыкших подчиняться и зависеть от исполнительной власти.

Судебная власть, которая также оказалась в полной зависимости от исполнительной власти, играет еще более незавидную роль. С одной стороны, процент обвинительных приговоров судами общей юрисдикции в современной России давно побил все рекорды, с другой – как говорят сами судьи (<http://www.newsru.com/russia/24mar2005/sud.html>), официальные руководители судебных органов даже перестали скрывать тот факт, что, с их точки зрения, основная функция судей – неукоснительно выполнять запросы исполнительной власти, несмотря на то, что, как пишет пресса, такие запросы зачастую носят коррупционный характер. Однако наиболее болезненно для любого человека, оказавшегося перед российским судом и ожидающего правосудия от человека в мантии, осознание того, что его судьба предreshена, а функция судьи, по сути, сводится к объявлению приговора, создающего видимость правосудия. Наконец, покупая совесть этих судей, исполнительная власть из года в год продолжает повышать их денежные пособия. В некоторых регионах это приводит к тому, что зарплата судьи в 5–6 раз превышает среднюю по региону.

Борьба с коррупцией. Нельзя не сказать о том, что в обществе с течением времени сформировался социальный заказ на борьбу с коррупцией. Не случайно почти все время президентства Д. Медведева прошло под лозунгами необходимости борьбы с коррупцией. Более того, именно эти лозунги занимали одно из основных мест среди протестных выступлений российских граждан в 2011–2012 гг. Это повысило внимание

исполнительной власти к проблеме коррупции. Как говорили в советские времена, лучший способ “замылить проблему” – это возглавить ее решение. В результате, на уровне законодательной власти на разных уровнях стали формироваться комитеты и комиссии со звучными названиями, целью которых стала борьба с коррупцией. Их зачастую возглавляли бюрократы с подмоченной репутацией, что не мешало им грозно изобличать коррупцию с экранов государственных каналов. Государственные телевизионные каналы стали ширмой четвертой власти, исполняя те заказы, которые ставила перед ними исполнительная власть. В итоге каналы заполнили множество сериалов, фильмов и ток-шоу, в которых “честные” представители исполнительной власти (как правило, правоохранители) успешно борются с коррупцией, преступностью и беззаконием. Эта виртуальная реальность (сколько сезонов, интересно, у среднего милицейского сериала в России?) создала виртуальное ощущение, что вроде бы все не так плохо, а если и плохо, то динамика-то положительная. Для того чтобы эффект был еще нагляднее, исполнительная власть (особенно в рамках избирательной кампании 2012 г.), стала активно покупать избирателей (особенно социально незащищенные слои населения – пенсионеров, бюджетных работников), обещая им все большие и большие социальные выплаты. Результатом выполнения этих обещаний стало то, что, как и предупреждали экономисты, в бюджеты многих социальных фондов были заложены долгосрочные “бомбы”, которые могут привести к их банкротству в не таком уж отдаленном будущем. Многие регионы и их бюджеты оказались, по сути, в состоянии банкротства, будучи не в состоянии удовлетворить обещания исполнительной власти. Тем более, что все эти действия сопровождалось не снижением, а дальнейшим ростом реальной коррупции.

Реалистичность и желание борьбы исполнительной власти с коррупцией можно оценить по получившим широкую огласку коррупционным эпизодам. Прежде всего это *Дело С. Магнитского*, которое получило известность не только и не столько потому, что среди пострадавших оказался один из крупнейших зарубежных портфельных инвесторов, сколько потому, что в ходе расследования дела налогового юриста Магнитского была выявлена схема мошеннического возврата налогов на миллиарды рублей. Более того, по расследованиям журналистов уже после гибели Магнитского, эта схема существовала в ФНС многие годы (начиная с руководства Сердюкова, а затем и его сослуживцев) и привела к хищению чуть ли не миллиарда долларов налогов (см. <http://www.novayagazeta.ru/inquests/51924.html>; <http://www.ft.com/cms/s/0/c121901a-848d-11e1-b4f5-00144feab49a.html#axzz3PA6x7VIV>).

Каков же на сегодня итог этого антикоррупционного расследования? Магнитский, рассказавший об этом преступлении, не только не получил государственную защиту, а наоборот, был помещен в СИЗО и погиб при сомнительных обстоятельствах. Ни один из сотрудников налоговых органов, принимавших мошеннические решения на протяжении многих лет, не был наказан. Более того, многие получили повышение вслед за своим руководителем в структурах министерства обороны. Ни один банкир, юрист, судья, равно как и многочисленные сотрудники правоохранительных органов, призванных предотвращать и останавливать эти преступления, не был привлечен к ответственности. Но что еще более впечатляет: не было сделано даже попытки вернуть в бюджет украденные средств (более 22 млрд рублей, как писали журналисты), за исключением небольшой суммы, случайно арестованной по другому уголовному делу (см.: <http://docs.cntd.ru/document/454176600>).

Дело подмосковных казино и крышевание их подмосковными прокурорами. Одно из наиболее шумевших и попавших даже на федеральные каналы коррупционных дел, о котором много говорилось в прессе. Расследовательские программы, фото прокуроров с владельцами казино, их совместные предприятия, дорогие дома, отделанные золотом и мрамором, умопомрачительные машины служителей прокуратуры смаковались не один месяц. Где это дело сейчас? Все подмосковные прокуроры на свободе, никто не понес никакого серьезного наказания, а информация об одном или двух условных сроках, полученных по этому делу, была донесена таким шепотом, что публика о ней и не узнала.

Дело министра обороны А. Сердюкова. Казалось бы, после того, как команда Сердюкова так прославилась в ФНС, кто мог ожидать ее дальнейшего карьерного роста? Однако принципы функционирования современной российской власти вполне позволяют такое продвижение. Результатом стал грандиозный скандал о коррупции и злоупотреблениях уже в министерстве обороны. Как сообщала пресса, ремонты особняков родственникам министра, строительство дорог к частным загородным домам, квартиры в “золотой миле” Москвы по стоимости танков, все это – только небольшая часть данной истории. И каков результат? Бывшему министру Сердюкову смогли предъявить лишь незначительное обвинение, и он сразу попал под амнистию.

Контракты бизнесменов, близких к исполнительной власти. Несмотря на то, что расследования небольшого сегмента независимой прессы год за годом рассказывают о том, как бизнесмены, близкие к исполнительной власти, выигрывают сомнительные аукционы и исполняют заказы для государства, зачастую в разы превышающие реальную стоимость таких услуг, год за годом объем таких заказов, выделяемых одним и тем же бизнесменам, только продолжает расти (см., например, <http://grani.ru/Politics/Russia/m.235846.html>, <http://polit.ru/news/2014/12/11/profits/>; http://kapital-rus.ru/articles/article/255330/entry_id).³

Эти и многие другие подобные примеры заставляют усомниться в неоднократно декларированных властью намерениях беспощадно бороться с коррупцией.

Чего ждать от кризиса

Начну с того, чем характеризуется сегодняшний кризис в России. С момента последнего взлета в июне 2014 г. до 115 долл. за баррель цена на нефть упала более чем вдвое (см. рис. 5). Для российской экономики это имеет, как было указано ранее, прямой и весьма разрушительный эффект. Кроме того, цены контрактов на поставку газа, привязанные к стоимости энергетической корзины, включающей цену на нефть, также окажутся значительно ниже через шесть–десять месяцев. Как известно, нефтегазо-

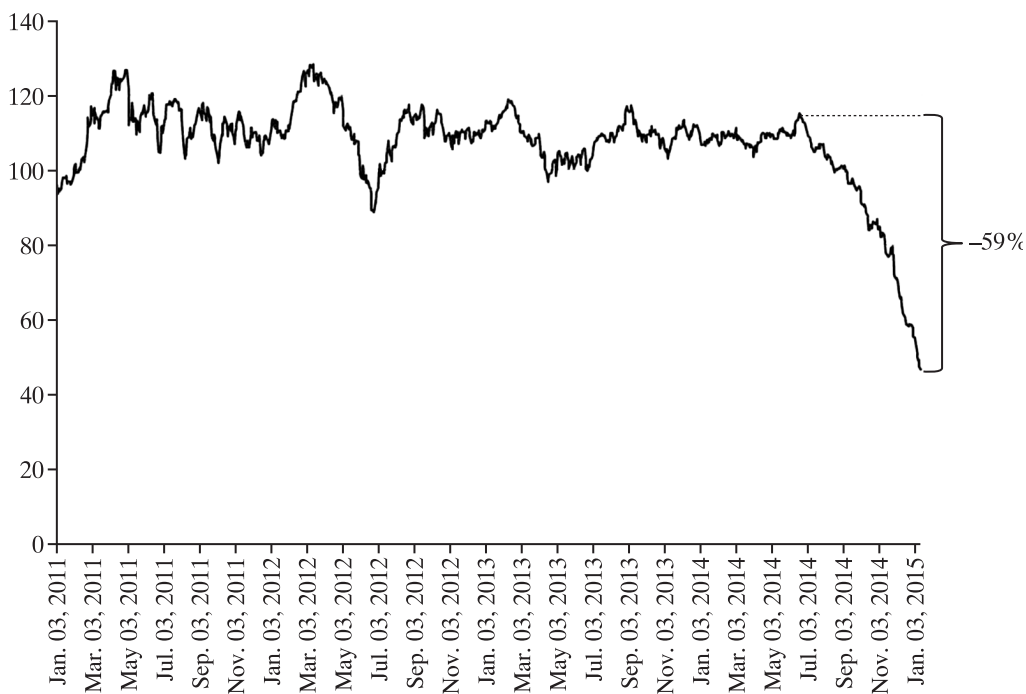

Рис. 5. Цена барреля нефти марки Brent (долл.).

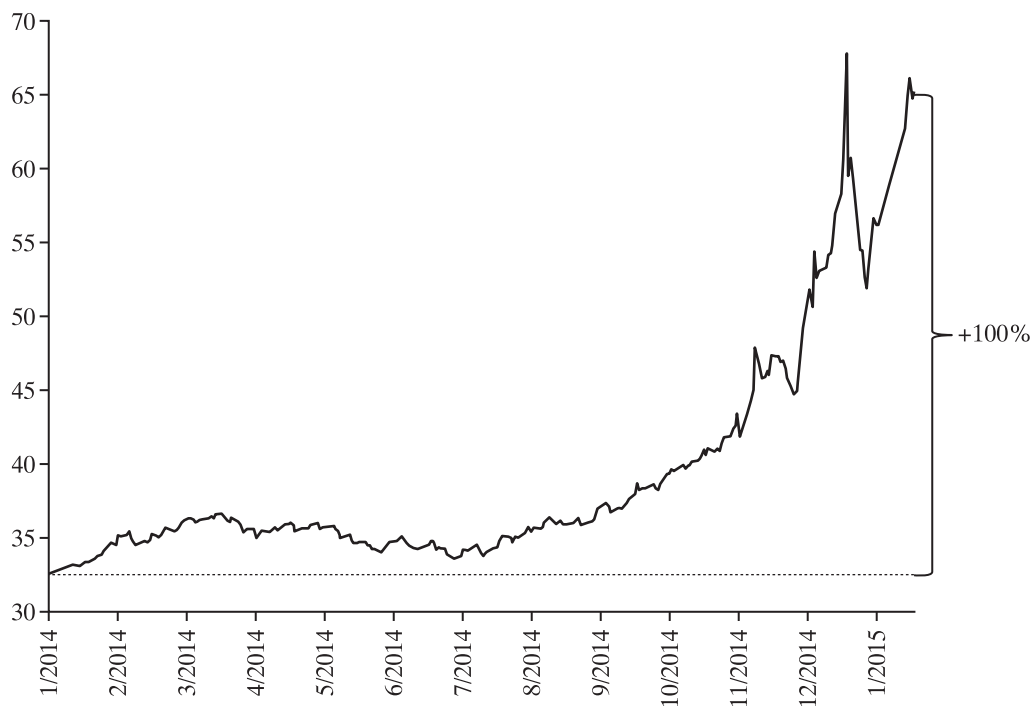

Рис. 6. Изменение стоимости доллара США в рублях за 2014 г. (на начало каждого месяца).

вый сектор дает половину доходов федерального бюджета и 67% доходов экспорта. Это напрямую скажется на уменьшении доходов бюджета и ухудшении платежного баланса.

Уменьшение доходной части бюджета напрямую отразится на получателях бюджетных средств. Падение экспортных доходов нефтегазового сектора приведет к необходимости балансирования доходов и расходов и, соответственно, сокращению расходов за счет увольнения сотрудников, отказа от инвестиционных проектов, разработки новых месторождений, перевооружения, планов по строительству и модернизации отрасли переработки нефти и нефтехимии. Вслед за нефтегазовой отраслью кризис скажется на различных отраслях, занимающихся обслуживанием нефтегазового сектора, таких как геологоразведка, снабжение оборудованием, ИТ, телекоммуникации, производители газоперекачивающих станций и труб, на компаниях по реализации инвестиционных проектов в нефтегазодобыче, коммуникации и т.д. По цепочке вслед за ними проблемы начнутся у металлургов в связи с падением спроса трубной промышленности, производителей электроэнергии, которые почувствуют падение спроса на электроэнергию из-за снижения объемов производства в различных отраслях.

Кроме того, за 2014 г. стоимость доллара США по отношению к рублю выросла вдвое (см. рис. 6). Катастрофическое падение национальной валюты скажется прежде всего на стоимости, объеме и количестве импортируемых товаров, что повлечет ценную реакцию на стоимость самых различных товаров и услуг. На население окажет влияние рост стоимости лекарств, а также продуктов напрямую или косвенно зависящих от импорта. Розничный бизнес, ориентированный на продажу импортной продукции (автомобилей, электроники, одежды, спортивного оборудования и инвентаря, предметов ухода за детьми и детской одежды, химии, и т.п.), окажется в весьма тяжелом положении, поскольку его ожидает значительное падение объема продаж в связи с падением покупательной способности населения. Практически все импортеры будут вынуждены уменьшить объемы торговых площадей, сокращать сотрудни-

ков, значительно снижать объем бизнеса. Для кого-то это обернется закрытием и/или банкротством.

Для производств и бизнесов, обремененных высокими долговыми обязательствами, велика вероятность невозможности их исполнения, а значит – банкротства, сокращения рабочих мест и возникновения кризисных явлений в банковской сфере, поскольку банки столкнутся с невыплатой кредитов. Изъятие депозитов населением также приведет к снижению прибыли банков. Серьезное ухудшение финансового состояния одного или нескольких банков может спровоцировать финансовый кризис на банковском рынке, если регулятор не обеспечит своевременную поддержку. Производители, имевшие планы по перевооружению и, следовательно, закупке импортного оборудования (в связи с практическим полным отсутствием станкостроения в России речь в 99% случаях идет именно об импорте), скорее всего, будут вынуждены отказаться от этого, поставив под сомнение планы долгосрочного развития.

Тяжелый кризис ждет и индустрию развлечений, прежде всего туристический рынок. Хотя, вероятно, он уже находится в весьма тяжелом состоянии после банкротства крупнейшей фирм в 2014 г. В связи с падением спроса на услуги данного сектора экономики речь будет идти о многократном падении объемов продаж, банкротстве множества компаний и сворачивании деятельности различных видов индустрии развлечений в связи с отсутствием платежеспособного спроса.

Свой вклад в усугубление ситуации вносит и введение санкций. Прежде всего это выразилось в том, что международные финансовые рынки заимствования и акционерного капитала оказались закрыты для российских компаний. Такая ситуация критична с точки зрения погашения внешних обязательств, которые на 1 октября 2104 г. составляли 679 млрд долл. Ранее российские заемщики в значительной степени рассчитывали на перекредитование, теперь оказавшееся для них невозможным. Хотя под прямые санкции попало относительно небольшое количество российских банков и компаний, западные банки, чтобы избежать возможного риска (расширения санкций), практически закрыли возможность выдачи кредитов всем российским заемщикам. Необходимость выплачивать внешнюю задолженность становится дополнительным фактором девальвации рубля, поскольку приводит к росту спроса на доллары.

Еще одним серьезным фактором экономического кризиса стало эмбарго на импорт продовольствия, введенное правительством России. Вероятно, это решение преследовало какие-то внешнеполитические цели, однако прямой пострадавшей стороной стало население. Один из лозунгов, под которым проходило принятие такого решения, было импортозамещение. И действительно, ряд бизнесменов, близких к исполнительной власти, замечены в покупке значимых игроков на продовольственном рынке (<http://rbcdaily.ru/market/562949992312648>). Однако для населения прямым следствием запрета импорта (или снижение массы предложения продуктов) стал рост цен на продовольственные товары отечественного производства. Кроме того, часть запрещенных товаров все же “нашла дорогу” в Россию через третьи страны, но это также привело к их существенному удорожанию для конечного потребителя.

Но основной и наиболее болезненный результат кризиса – падение реальных доходов населения. Кризис несет множественные проблемы. Для значительной части населения, которая ранее могла себе позволить отдых за рубежом, такая возможность исчезает в силу девальвации рубля. Рост стоимости продуктовой корзины приведет к увеличению затрат на питание. Значительно возрастут затраты молодых семей на содержание детей, потому что значительная часть детской одежды, средств гигиены (памперсы, детское питание, химия) производится за рубежом и их рублевая стоимость резко вырастет. Пожилое население почувствует на себе рост стоимости лекарств, значимая часть которых импортируется. Общий рост инфляции приведет к росту стоимости прочих товаров и услуг, оплаты жилищно-коммунальных услуг, электричества, тепла и воды, а также к обесценению тех рублевых доходов, которые получают россияне. Падение доходности различных компаний во всех секторах экономики приведет к значительным сокращениям рабочих мест, что негативно скажется на

доходах многих домохозяйств. Обслуживание потребительских и ипотечных кредитов станет очень тяжелой задачей, можно ожидать массовых неплатежей по кредитам, что, соответственно, отразится на финансовой устойчивости банковской системы. Не говоря уже о вероятности реального банкротства ряда убыточных регионов в связи с невозможностью обслуживания долговых обязательств и выплаты зарплаты бюджетникам и социальных пособий. Таким образом, можно констатировать: падение реальных доходов затронет подавляющее большинство россиян.

Коррупция как акселератор кризиса

Хотя не существует универсальных способов преодоления кризиса в экономике, тем не менее, почти двадцатилетняя история современной России дает богатый опыт для размышления о том, какие шаги необходимо предпринимать в подобной ситуации. При снижении доходов (будь то государство, корпорации или физические лица) возникают следующие задачи:

- сокращение расходов;
- выбор приоритетов с точки зрения выполнения текущих финансовых обязательств;
- выбор приоритетов с точки зрения долгосрочных проектов (инвестиционных проектов, проектов капиталовложений и перевооружения производства);
- выбор приоритетов с точки зрения социальных обязательств;
- принятие непопулярных структурных решений – увольнения, закрытие производств, направлений бизнеса, проектов развития и т.д.;
- выстраивание механизмов и правил функционирования в период кризиса;
- создание запасов на случай резкого ухудшения ситуации;
- выработка стратегии выхода из кризиса.

Рассмотрим подробнее, как могут реализовываться данные задачи различными социальными институтами (государством, бизнесом, домохозяйствами и обществом в целом) при установившемся в России уровне коррупции.

Современная российская модель государственного управления с самого верха построена по принципу лояльности, когда на ключевые посты назначаются люди, лояльные вышестоящему начальству. Это могут быть как старые друзья и знакомые, так и ранее малознакомые, но, тем не менее, отвечающие принципу лояльности. При этом ни их профессионализм, ни опыт, ни квалификация, ни талант не имеют особого значения. В условиях высочайшего уровня коррупции такой принцип продвижения по службе также сопровождается коррупционной составляющей или оплатой лояльности, когда в благодарность позволяется использовать те права и компетенции, которые гарантирует занимаемая должность не только для исполнения задач лояльности, но и для личного обогащения. В данной ситуации бюрократия растет ускоренными темпами, увеличивая и штат, и области контроля, регулирования и управления, что позволяет решать задачи личного обогащения. Комбинация лояльности и личного обогащения соответствует разному весу позиций в иерархии управления; возникает денежная оценка стоимости каждой позиции в иерархии управления.

Похожим образом строится и продвижение по карьерной лестнице на региональном уровне. Основное отличие – уровень зависимости от федеральной власти для покрытия нужд региона. Так же, как и в описанном выше случае, связь государства и бизнеса осуществляется путем создания вокруг государственных структур приближенных бизнесов, которые тем или иным способом выигрывают от неформальных контактов с представителями исполнительной власти, получая от них заказы на услуги и продукцию чаще всего по завышенным ценам, включающим как их реальную стоимость, так и коррупционную ренту, распределяемую между заинтересованными участниками процесса.

Именно в рамках описанной управленческой парадигмы возникает необходимость решения задач, актуальных во время экономического кризиса. В такой ситуации со-

крашение расходов будет происходить с позиций не экономической целесообразности государства или населения, а по преимуществу коррупционных интересов представителей власти, принимающих решения. Выделенные средства станут уходить прежде всего на проекты, которые имеют наиболее влиятельных заинтересованных в коррупционной иерархии. Результатом скорее всего станет усугубление кризиса, когда и так ограниченные ресурсы направляются не на наиболее важные направления, которые оказываются в еще более глубоком кризисе.

Можно ожидать и коррупционного поведения чиновников, которые распределяют лекарства, закупаемые за рубежом. В ситуации кризиса, вероятно, произойдет снижение закупок, и особо необходимые лекарства станут еще большим дефицитом. В результате можно ожидать роста коррупционных практик, продажи или перепродажи лекарств, закупленных государствам вовсе не тем, кому они были первоначально предназначены, а тем, кто могут обеспечить чиновникам и связанным с ними бизнесменам наивысший коррупционный доход.

Во взаимоотношениях кредиторов и бизнеса можно также прогнозировать рост многочисленных коррупционных манипуляций, которые уже имели место во время кризиса 1998 г., когда предприятия сознательно вводились в состояние банкротства путем создания фиктивных задолженностей, коррупционного внешнего управления, коррупционных судебных решений, направленных на невозврат финансовых обязательств и вывод активов, служивших обеспечением таких обязательств. Можно также ожидать несправедливых увольнений сотрудников, не задействованных или занимающих незначительное положение в коррупционной иерархии, многочисленных нарушений с выплатами обязательных пособий по увольнению и т.д., поскольку выясняется, что “дешевле” решить проблему контролирующего органа коррупционными механизмами, чем выполнять свои финансовые/социальные обязательства. Думаю, что также продолжится практика финансирования невыгодных экономически долгосрочных проектов, противопоказанных в период кризиса, но обеспечивающих интересы коррупционной иерархии.

Более того, в ситуации, когда часть экономических субъектов объективно страдает от экономического кризиса, они могут также оказаться и жертвами коррупционного передела собственности: коррупционные механизмы исполнительной и судебной власти будут использованы для отъема собственности, закамуфлированный под следствие кризиса. При этом судьба этих экономических субъектов может складываться самым печальным образом, включая прекращение производства, увольнение сотрудников и распродажу недвижимости.

Важно, что в ситуации кризиса зависимость экономических субъектов от власти и ее представителей многократно возрастает, поскольку от их действий зависят не просто дополнительные доходы компании (ситуация благополучия), а сам факт существования бизнеса. В результате бизнес вынужден платить существенно более высокую коррупционную цену за выделение государственной помощи, субсидий, заказов или долгового финансирования, которая может выражаться как в увеличенных суммах откатов, так и в уступке в качестве оплаты части бизнеса.

В рамках бытовой коррупции можно также ожидать повышения коррупционных цен, которое будет обосновываться кризисом и ростом цен. Кроме того, уменьшение доходов бюджета приведет, во-первых, к возможному закрытию части школ, больниц и вузов, что приведет к росту конкуренции в оставшихся учреждениях, а во-вторых – к сокращению финансирования существующих. При толерантности общества к коррупции это также станет компенсироваться за счет дополнительных коррупционных сборов с населения.

Поскольку кризис чреват снижением общего объема доходов, который может облагаться коррупционной рентой, то существует вероятность “войны” между коррупционными кланами за оскудевающую коррупционную ренту. Они будут выдавливать друг друга, используя известные им методы: коррупционные судебные решения и уголовные дела, вплоть до обращения к услугам уголовного характера. Возможна также

дальнейшая консолидация активов под государственным управлением с назначением лояльных менеджеров, способных обеспечить получение коррупционной ренты.

С ростом в условиях кризиса неопределенности того, сможет ли сохранить свое место в коррупционной иерархии соответствующий менеджер или бюрократ, последний, вероятно, будет отдавать предпочтение проектам и бизнесу с максимально быстрой коррупционной отдачей, отказывая в финансировании проектов, не приносящих коррупционной ренты или способных ее принести только в отдаленном будущем. Например, можно ожидать значительного сокращения расходов на фундаментальные исследования, художественные проекты, не ориентированные на массового зрителя, вне зависимости от их художественного уровня. Вероятно также появление и быстрое приобретение популярности в бюрократическом аппарате различных шарлатанов от науки, обещающих магические результаты в кратчайшие сроки. Их предложения, имеющие зачастую коррупционные мотивы, станут оттягивать значительное количество и без того ограниченных средств.

Влияние коррупционных практик можно также оценить по тем законодательным инициативам, которые рассматривала законодательная власть в то время, когда в экономике уже всюду стали наблюдаться кризисные явления. Рассмотрение так называемого “закона Роттенберга” (см. <http://www.newtimes.ru/articles/detail/87868/>) подтвердило мнение о том, что коррупционные мотивы преобладают над мотивами принятия решений, необходимых для преодоления кризиса.

Все сказанное свидетельствует о существовании высокой вероятности того, что в сложившихся условиях кризиса произойдет усиление конкуренции за получение коррупционной ренты и вытеснение части коррупционеров, проигрывающих коррупционное соревнование более политически устойчивым оппонентам. В целом же доля коррупционных взаимоотношений может существенно возрасти, поскольку все большая часть бизнеса окажется под контролем коррупционеров, вес которых позволяет им активно участвовать в поглощении и приобретении компаний и бизнеса, ослабевших в результате кризиса.

* * *

Есть достаточно оснований предполагать, что высококоррупционная среда российской экономики будет способствовать усугублению экономического кризиса, поскольку усилия и ресурсы, направленные на борьбу с ним, в такой среде станут аккумулироваться наиболее коррумпированным бизнесом, а вовсе не теми, кто больше нуждается в помощи. В свою очередь, можно предположить, что влияние коррупции в результате кризиса только возрастет, поскольку большая часть бизнеса вынужденно перейдет под контроль коррупционеров, чтобы сохранить свое существование. Более того, в результате существенного сокращения бюджетных доходов и, соответственно, возможностей для получения коррупционной ренты, растущей конкуренции между коррупционными кланами за ограниченные ресурсы и общей неопределенности в условиях кризиса, можно ожидать принятия коррупционных решений, направленных на немедленное получение максимальной коррупционной ренты (максимально быстрое освоение бюджетных средств, реализация инвестиционных проектов и т.д.), что также может стать одним из факторов, усугубляющих экономический кризис.

Вряд ли можно предложить универсальные рецепты борьбы с этим явлением, поэтому усилия ученых, научной и университетской общественности должны быть направлены на анализ и публичное обсуждение того, как использовать ограниченные ресурсы в период кризиса. Ухудшение положения населения может привести к возрождению чувствительности общественного мнения к антикоррупционной тематике, и это может стать основным фактором торможения дальнейшего распространения коррупции. Наконец, борьба с коррупцией в конечном итоге становится борьбой с кризисом, поскольку коррупция – один из значимых факторов, усиливающих кризисные явления.

Демография. Миграция. (2014) Федеральная служба государственной статистики (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/).

Клейнер В.Г. (2014) Коррупция в России, Россия в коррупции: есть ли выход? // Вопросы экономики. № 6. С. 81–96.

Corruption perceptions index 1998–2014: results (http://www.transparencg.org/research/cpi/_1998/0/#results, http://www.transparency.org/research/cpi/_2014/results).

Crisis and corruption: a flammable mix

V. KLEINER*

* **Kleiner Vadim** – PhD in Economics, senior researcher of Central Economic and Mathematic Institute of Russian Academy of Sciences. Address: 47, Nakhimovsky prosp., Moscow, 117418, Russian Federation. E-mail: vadim.kleiner@gmail.com.

Abstract

In the article the author analyses corruption in Russia, which deteriorated dramatically in 2003–2005 and has been on very high level for the last ten years. As a result corruption penetrates decision-making in the majority of social spheres: in government institutions and state corporations, as well as in business and everyday life. The author puts the lack of diversification in the economy down to the failure of the majority of industries to compete with the oil and gas sector, which is engulfed by corrupt rent. The author explains such dissemination of corruption by the lack of a division of institutions of power, which are called on to uphold the system of checks and counterbalances; by the suppression by the executive power of the legislative and judicial powers, the majority of press (the fourth power); and the purchase of the loyalty of certain levels of society (through larger social benefits, as well as compensation and salaries for bureaucrats). The author predicts that corruption will accelerate the crisis and exacerbate its consequences. And the crisis, in turn, will aggravate corruption.

Keywords: corruption, Russian economy, division of power, economic crisis, corruption during economic crisis, state corruption, corporate corruption, everyday corruption.

REFERENCES

Corruption Perceptions Index 1998–2014 results (http://www.transparency.org/research/cpi/_1998/0/#results, http://www.transparency.org/research/cpi/_2014/results).

Демография. Миграция (2014) Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [Demographics. Migration (2014). The Federal State Statistics Service] (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/).

Kleyner V.G. (2014) Korruptsiya v Rossii, Rossiya v korruptsii: est li vihod? [Corruption in Russia. Russia in Corruption: Is there a way out?]. *Voprosi ekonomiki*, no. 6, pp. 81–96.